

Содержание

ИЗГНАННИК

ЧАСТЬ I	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	34
Глава 5	49
Глава 6	65
Глава 7	76
ЧАСТЬ II	86
Глава 1	86
Глава 2	96
Глава 3	110
Глава 4	123
Глава 5	131
Глава 6	140
ЧАСТЬ III	161
Глава 1	161
Глава 2	170
Глава 3	181
Глава 4	198
Часть IV	213
Глава 1	213
Глава 2	224
Глава 3	240

Глава 4	255
Глава 5	266
Часть V	285
Глава 1	285
Глава 2	310
Глава 3	321
Глава 4	335

КАПРИЗ ОЛМЕЙЕРА

Глава 1	365
Глава 2	383
Глава 3	397
Глава 4	412
Глава 5	424
Глава 6	439
Глава 7	453
Глава 8	470
Глава 9	489
Глава 10	510
Глава 11	528
Глава 12	550

ИЗГНАННИК

ЧАСТЬ I

Глава 1

Свернув однажды с прямой и узкой тропы исключительной честности, он твердо вознамерился в душе: как только короткая прогулка по придорожным топям принесет желаемый результат, тут же вернуться к однообразной, но надежной поступи добродетели. Этому промежутку в быстром потоке его жизни, подобно фразе, заключенной в скобки, было суждено остаться коротким, почти мгновенным актом, вынужденным, но искусно совершенным — и поскорее забытым. Он воображал, что потом будет смотреть на солнечный свет, нежиться в тени, вдыхать аромат цветов в маленьком саду перед домом; питал иллюзии, что все останется по-прежнему: что, как и прежде, он будет беззлобно третировать свою жену полукровку, с ласковым снисхождением наблюдать за своим желтокожим ребенком, свысока потакать смуглому шурина, который любил розовые шейные платки, носил лакированные ботинки на маленьких ножках и боялся раскрыть рот в присутствии белого мужа своей удачливой сестры. Вот какими он видел радости жизни и не мог себе представить ни одного собственного нравственно весомого поступка, который бы нарушил природу вещей, затмил бы свет солнца, развеял бы ароматы цветов, отключил покорность жены, улыбку его ребенка, преисполненное благоговения уважение Лео-

6 нарда Да Соузы и всего семейного клана Да Соуза. Почтение этого семейства придавало жизни особую роскошь. Постоянным напоминанием о его превосходстве оно дополняло, доводило до совершенства его бытие. Ему нравилось вдыхать грубый фимиам, курившийся перед храмом успешного белого человека — мужчины, оказавшего им честь, взяв в жены их дочь и сестру, доверенного агента «Хедига и К°», которому прочили звездное будущее. Родственники, многочисленная немытая орава, обитали в полуразвалившихся бамбуковых хижинах среди запущенных огороженных угодий на окраине Макасара. Он не подпускал их и на метр, если не больше, потому как не питал иллюзий насчет их достоинств. Эти люди были полукровки, лежебоки, и он видел их такими, как есть: это были оборванные, тощие, грязные мужчины-недомерки разного возраста, бесцельно слоняющиеся в надвинутых на босу ногу шлепках, бабы, похожие на гигантские мешки из розового ситца, набитые бесформенными сгустками жира, кривобоко сидящие в полусгнивших ротанговых шезлонгах по темным углам пыльных веранд, молодые женщины, стройные, желтокожие, с большими глазами, длинными волосами, гуляющие среди грязи и мусора своего поселка с таким томным выражением, будто любой их шаг мог стать последним. Он слушал крикливые ссоры, детский визг, хрюканье свиней, вдыхал запахи мусорных куч во дворах и не мог побороть отвращение. В то же время он кормил и одевал эту толпу оборванцев, измельчавших потомков португальских завоевателей. Он был их Провидением: среди лени, грязи, бескрайней и безнадежной нищеты они продолжали петь ему осанну, и это ему страшно нравилось. Они многого от него

хотели, но и он был способен дать многое без особого для себя урона. За это ему платили дань безмолвным страхом, словоохотливыми изъявлениями любви, шумливым поклонением. Одно дело считать себя Провидением, и другое — каждый день слышать это признание из чужих уст. Такое состояние рождает ощущение бесконечного превосходства. Виллемс буквально купался в нем. Он не забирался слишком глубоко в собственные мысли, однако величайшую усладу давало не высказанное вслух, тайное убеждение — стоит ему убрать длань дающую, как весь этот честной народ околеет с голоду. Щедрость Виллемса окончательно их развратила. Дело нехитрое. С тех пор как он появился в здешних местах и женился на Джоанне, местные потеряли остатки склонности к труду и энергию, которые их прежде заставляла проявлять крайняя нужда. Теперь жизнь «родни» зависела от его милости. Это давало реальную власть. А власть Виллемс любил. На другом и, возможно, более низменном плане своей жизни он не испытывал нехватки нетривиальных и куда более осязаемых удовольствий. Виллемс любил простые игры, требующие навыка, например бильярд, а также игру посложнее, где приходилось проявлять умение иного толка, — покер. Он многое перенял у любившего поучать американца с неподвижным взглядом, которого непонятно каким образом занесло в Макасар с просторов Тихого океана. Покрутившись в водоворотах городского быта, американец так же загадочно пропал в солнечной пустоте Индийского океана. В память о чужестранце из Калифорнии остались покер — игра приобрела популярность в столице Сулавеси — и мощный коктейль, рецепт которого китайские юнги по

8 сей день передают друг другу на квантунском диалекте в кабаках Зондских островов. Виллемс разбирался в напитках и умел играть, чем сдержанно гордился. Зато доверием, оказываемым Хедигом, хозяином компании, гордился назойливо и хвастливо. Доверие было следствием великодушия Виллемса, его заостренного чувства ответственности за себя и мир в целом. Он ощущал неудержимый зуд постоянно об этом говорить, но совершенно не вникая в суть сказанного. У невежд всегда находится что-то такое, понимание чего заменяет им знание всего остального. Этот предмет заполняет вселенную невежды до краев. Для Виллемса предметом понимания был он сам. Изучение себя, своих повадок, задатков и умения направлять свою судьбу началось с того дня, когда он, почуяв недоброе, сбежал от голландского приказчика Вест-Индской компании на улице Семаранга, и привело его к доходной должности, которую он теперь занимал. Скромного и застенчивого от природы юношу успех удивлял, почти пугал, и в итоге — после череды радостных потрясений — сделал жутко самонадеянным. Он уверовал в собственную гениальность и знание мира. Так почему бы не рассказать о себе другим для их же блага и пушей славы? Почему не дать всем этим мужчинам, хлопающим его по спине и шумно приветствующим, достойный подражания пример? А как его дашь, если помалкивать? Поэтому он говорил без умолку. После обеда развивал свою теорию успеха за маленькими столиками, периодически окуная усы в молотый лед коктейля. По вечерам нередко продолжал с кием в руке поучать юного слушателя за партией в бильярд. Шары на столе замирали, как будто тоже слушая, под ярким светом масляных ламп с аба-

журами, висящими низко над сукном. 9

В темном углу большой комнаты тем временем сидел, прислонив натруженную спину к стене, китаец-маркер, чье неподвижное лицо-маска казалось бледным рядом с доской красного дерева для подсчета очков, а веки сами собой закрывались от вызванной поздним часом и усталостью дремоты и монотонного журчания неразличимых слов белого человека. В разговоре вдруг наступала остановка, партия возобновлялась резким щелчком и некоторое время продолжалась мягким жужжанием и глухим стуком шаров, зигзагами катящихся навстречу неизбежно успешному карамболу. Через большие окна и открытые двери внутрь проникала соленая сырость моря; слабый запах гнили и аромат цветов из сада гостиницы смешивались с вонью лампового масла, становившейся с наступлением ночи все сильнее. Головы игроков, когда они наклонялись для удара, окунались в свет ламп и тут же резко уходили назад в зеленоватый полумрак, создаваемый широкими абажурами. Методично тикали часы. Неподвижный китаец апатично, словно большая говорящая кукла, объявлял счет. Виллемс выигрывал партию. Заметив, что час уже поздний, а он человек женатый, победитель снисходительно прощался и выходил на длинную, безлюдную улицу. Белая дорожная пыль, словно яркая полоса лунного света на воде, ласкала глаз после подслеповатого света масляных ламп. Виллемс шел домой вдоль стен, с которых свешивалась пышная растительность палисадников. Дома по обе стороны скрывались за черной массой цветущих кустарников. Улица была в полном распоряжении Виллемса. Он шагал посередине, тень раболепно бежала впереди. Виллемс благодушно смотрел на нее. Тень

10 успешного человека! От выпитых коктейлей и собственной славы слегка кружилась голова. Люди не раз слышали, что он приехал на восток четырнадцать лет назад юнгой, мальчишкой. В то время отбрасываемая им тень, должно быть, была совсем короткой. Виллемс с улыбкой подумал, что тогда у него вообще не было ничего своего, даже тени. Зато сейчас он видел перед собой тень уважаемого служащего компании «Хедиг и К°», следующего домой. Как славно! Как вольготно живет тем, кто выбрал правильную сторону! Он победил в игре под названием «жизнь». И в игре под названием «бильярд» тоже победил. Виллемс ускорил шаг, позвякивая выигранными монетами и вспоминая счастливые дни, ставшие вехами его жизненного пути: свою первую поездку в Ломбок для покупки пони, первую важную сделку, доверенную ему Хедигом, за которой последовали более важные события: тайная торговля опиумом, незаконная продажа пороха, контрабанда оружия, трудная сделка с гоакским раджой, которую удалось повернуть на одном кураже. Виллемс ухватил старого царька-дикаря за бороду прямо в его совете, подмазал, подарив позолоченную остекленную карету, в которой, по слухам, теперь держали кур, наговорил с три короба, перехитрил во всех отношениях. Вот лучший путь к успеху! Виллемс не одобрял банальный обман вроде воровства денег из кассы, однако закон можно было обойти, а правила торговли до предела растянуть. Иным такой подход мог показаться надувательством. Так думают только дураки, слабаки, ничтожества. Умные, сильные, уважаемые люди не испытывают угрызений совести. Совесть и власть несовместимы. Эту веру он часто проповедовал молодым, являя собой яркий пример ее правоты.

домой после дня, наполненного трудом и развлечениями, опьяненный звуком собственных речей о личном процветании. День тридцатилетия не был исключением. Виллемс провел приятный шумный вечер в доброй компании и шел домой по пустой улице, чувствуя, как ощущение собственного величия нарастает в груди, приподнимает его над белой дорожной пылью, наполняет душу торжеством и грустью. Надо было лучше показать себя в гостинице, больше рассказать о себе, произвести на слушателей еще более сильное впечатление. Ну, ничего. Как-нибудь в другой раз. А сейчас он вернется домой, разбудит и заставит слушать жену. Почему бы ей не встать, не смешать для мужа коктейль, не послушать, как он говорит? Просто так. Это ее долг. Он мог бы разбудить всю семейку Да Союза, если только пожелает. Достаточно сказать одно слово, и они явятся и будут сидеть в своих ночных рубашках на жесткой холодной земле его двора и молча внимать, пока он будет говорить с крыльца о собственном величии и доброте столько, сколько захочет. Придут как миленькие. Хотя сегодня вечером хватит и одной жены.

Жена! Он мысленно поморщился. Понурая женщина с испуганными глазами и скорбно поджатыми губами слушала его со страдальческим удивлением и немым оцепенением. Она привыкла к ночным лекциям мужа. Сначала, правда, пыталась противиться — всего один раз. Но теперь, когда Виллемс, развалившись, сидел в шезлонге, пил и разглагольствовал, жена стояла у дальнего края стола, опершись на него ладонями, и следила пугливыми глазами за его губами — без звука, без движения, едва дыша, — пока он не отпускал ее со словами: «Ступай спать, кукла».

Жена издавала протяжный вздох и тихонько выходила из комнаты — облегченно и равнодушно. Ничто не могло заставить ее вздрогнуть, огрызнуться или заплакать. Она никогда не жаловалась и не перечила. Разница между ними была слишком огромна. Непреодолима. Она, по-видимому, пугала жену до дрожи. Смурная баба! Черт бы побрал всю эту затею! Какого дьявола он посадил ее себе на шею. Эх, ну да ладно! Он сам хотел обзавестись домашним очагом. Выбор работника, похоже, устроил Хедига, и хозяин подарил ему бунгало — окруженный цветами дом, к которому Виллемс, петляя, теперь шел прохладной лунной ночью. Этим он вдобавок снискал поклонение клана Да Союза. Человек его чеканки все выдержит, справится с любым делом, добьется чего угодно. Пройдет еще пять лет, и белые люди, что играют по воскресеньям у губернатора в карты, примут его в свой круг, а на жену-полукровку даже не посмотрят! Ура! Тень перед ним дернулась и взмахнула шляпой размером с бочку из-под рома, зажатой в руке длиной несколько метров. Кто здесь крикнул «ура!»? Виллемс стыдливо улыбнулся и, засунув руки в глубокие карманы, напустив на себя серьезный вид, ускорил шаг. У него за спиной с левой стороны улицы перед входом во двор мистера Винка мигнул огонек. Мистер Винк, кассир «Хедиг и К°», прислонившись к кирпичной стойке ворот, курил последнюю сигару на сон грядущий. Невидимая в тени подстриженных кустов миссис Винк медленно, размеренным шагом вышла, хрустя галькой, по круговой дорожке со двора на улицу.

— Виллемс топает домой. Пьяный, поди, — не оборачиваясь, сообщил жене мистер Винк. — Я видел, как он прыгал и махал шляпой.